

Валентин Пикуль

Господа, прошу к барьеру!

*Часть сборника
Через тернии — к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Господа, прошу к барьеру!

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Господа, прошу к барьеру! / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии — к звездам)

«...в пятом томе собрания сочинений В. Д. Спасовича помещена его речь, которая должна объяснить многое из того, что я собираюсь рассказать. Но когда я просмотрел эту речь витии русской адвокатуры, я понял, что она ничего не объясняет, а, напротив, многое еще дальше задвигает в тень, маскируя людскую подлость. В. Д. Спасович, такой благообразный и хитрый, отдал дань юридической казуистике – не более того. Скучно. Мертво. Казенно. Бездушно. А время было сложное...»

Валентин Пикуль

Господа, прошу к барьеру!

Историческая миниатюра

Писать о политике трудно. Трудно, но интересно.

Интересно потому, что это политика и она всегда во многом определяла поступки людей. А трудно потому, что уровень политики раньше был гораздо ниже уровня современной, и невольно возникает боязнь, что читатель не поймет – из-за чего, собственно, так страдали и убивались наши прадеды и прабабушки?

Я знал, что в пятом томе собрания сочинений В. Д. Спасовича помещена его речь, которая должна объяснить многое из того, что я собираюсь рассказать. Но когда я просмотрел эту речь витии русской адвокатуры, я понял, что она ничего не объясняет, а, напротив, многое еще дальше задвигает в тень, маскируя людскую подлость. В. Д. Спасович, такой благообразный и хитрый, отдал дань юридической казуистике – не более того.

Скучно. Мертво. Казенно. Бездушно.

А время было сложное! А люди были нервными!

Даже мужчины не стыдились биться в истерике, и нередко они «хлопались» в обмороки. К тому же еще и частенько стрелялись. А женщины при любом кризисе обращались к помощи аптеки или травились серными спичками. Каждое время имеет свои изъяны общества, а это было время Александра II – время, в котором люди немало разочаровывались.

Все началось в доме композитора Серова, который по четвергам принимал у себя гостей – любителей камерной музыки.

Нахохлив плечи, Серов взъерошился за роялем, как воробей в весенней лужице, и вдруг, растопырив бледные пальцы, он с силой обрушил их на клавиатуру. И сразу же, похорошев и даже загордившись, встряхивая копною неряшливых волос, он одарил гостей потоками чудной музыки... Александр Федорович Жохов, столичный публицист и чиновник Сената, никогда не мог слышать музыку на людях. Это ему казалось так же невыносимо и нелепо, словно обнимать женщину при свидетелях. Тихонько вышел он в соседнюю комнату, присел перед шандалом возле курительного столика и, блаженствуя, окунул свое рыхлое лицо в пухлые короткопалые ладони... Пробудил его резкий шорох дамского платья.

Молодая невзрачная женщина, склонясь над столом, раскуривала от свечи дешевую копеечную пахитосу. Небрежно выпустив дым, она угловатым жестом подала ему руку, и по ее неопрятным ногтям, не знавшим ухода, Жохов сразу определил в женщине нигилистку худшей формации («нигильё» – как с презрением говорили тогда в чиновных кругах столицы). Впрочем, Валентина Семеновна, жена композитора, и сама была близка к радикальным кругам; можно полагать, эта женщина пришла сюда не ради серовской музыки...

– Я племянница известного вам Лаврова, – резко заявила она. – Того самого! Вы, конечно же, знаете, о ком я говорю.

П. Л. Лавров, полковник и математик, убежденный враг монархии, был слишком хорошо известен в столичном обществе; сосланный под Вологду, он недавно совершил побег за границу.

– Прасковья Степановна, я знаю не только вашего дядю, но и вас тоже. И достаточно извещен о вашем супруге Гончарове, что ныне арестован за распространение прокламаций... Если не ошибаюсь, он студент-технолог?

– Да! Мне нужно ваше содействие в розыске адвоката...

Жохов не удивился подобной просьбе: революционеры, невзирая на видное положение, занимаемое им в Сенате, частенько обращались к его помощи, и Жохову иногда удавалось

облегчить им судьбу. К тому же он имел славу защитника мужиков в печати, и русские революционеры считали его «почти своим» человеком.

– В чем же дело? – ответил Александр Федорович. – Выбор адвокатов велик: Спасович, Турчанинов, Арсеньев, Потехин... Они никогда не откажут вашему супругу в защите. И даже бесплатно!

– Вы меня не так поняли, – возразила Гончарова. – Мой муж согласится на защиту лишь в том случае, ежели адвокат будет разделять его политические взгляды. Ежели адвокат, как и он, верит в справедливость нашего дела...

– О-о, это, мадам, труднее! – Жохов давно отвлекся от музыки и над пламенем свечи долго раскуривал сигару. – Из числа таковых, – произнес он, окутываясь дымом, – я знаю лишь Ольхина, но он... простите, Ольхин не совсем гибок. Однако вот Евгений Утин весьма и весьма симпатичен для этого дела.

– Вы думаете, он согласится на защиту моего мужа?

– У меня с господином Утиным отношения несколько натянутые. Я его недолюбливаю, и он сам знает об этом. Но... не вижу веских причин, чтобы ему отказываться. Обещаю поговорить с ним.

Сын богатого банкира-выкреста, Евгений Исаакович Утин был тогда популярен в кругах молодежи, как бойкий журналист и адвокат-либерал; его интимная дружба с французским республиканцем Гамбеттой придавала Утину особый заманчивый колорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.